

Александр Етоев
Уля Ляпина против
Ляли Хлюпиной
Серия «Уля Ляпина, супердевочка
с нашего двора», книга 3

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172077

Уля Ляпина против Ляли Хлюпиной: Амфора; Москва; 2008

ISBN 978-5-367-00633-9

Аннотация

На нашей планете почти шесть миллиардов жителей, только одних детей – миллиард! И каждый ждет в новогоднюю ночь подарок. Но беда в том, что Новый год может и не наступить. Кто-то украл удивительные часы-клепсидры, с помощью которых управляли временем еще древнеегипетские волшебники.

Ситуация суперсложная. Ну а там, где ситуация суперсложная, без супердевочки не обойтись. И Уля Ляпина, уже знакомая нашим читателям, вместе с Санта-Клаусом начинает операцию «С Новым годом». А помогут им в этом захватывающем расследовании волшебный сантомобиль – Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро и комиссар Мегре, вместе взятые, а также

суперсвязь Нетунет – что-то вроде Интернета, только на мозговом уровне...

Замечательная детская книжка про Улю Ляпину, этакую Пеппи Длинныйчулок Куролесову.

Содержание

Глава 1. Поцелуй с черепом	6
Глава 2. Санта-Клаус	10
Глава 3. Обезьяньи часы-клепсидры	19
Глава 4. Операция «С новым годом»	25
Глава 5. Тетя Соня	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Етоев
Уля Ляпина против
Ляли Хлюпиной

Новогодний детектив

Глава 1. Поцелуй с черепом

В Африке в пустыне Сахара в ночь на двадцать третье декабря неожиданно выпал снег. И так он валил, валил, что завалил почти всю пустыню от мавританских саванн на западе до египетских оазисов на востоке. Такого в этих жарких краях не знали уже много десятилетий, и обрадованное местное население встало наконец-то на лыжи, влезло в снегоступы и валенки и оседлало снегоходы и сани. Корабль пустыни, верблюд, был временно отправлен в запас.

В северном же городе Петербурге снега не было с конца ноября. Что-то жалкое сыпалось иногда на скучающих от бесснежья жителей, но это «что-то» мгновенно таяло, превращаясь в тоску и слякоть.

Особенно на неправильную погоду обижались петербургские школьники. Еще бы – зима, каникулы, а ни с горки на санках не покатаешься, ни залепишь снежком в товарища. Хоть, действительно, поезжай в Сахару!

Супердевочка Уля Ляпина тоже обижалась на зиму. Но у нее были причины серьезные – не какие-то там снежные бабы и разбитые на катке носы. Обижалась Уля Ляпина потому, что из некоторых районов города долетали до ушей супердевочки очень даже неприятные слухи.

Говорили, что ее, Улю Ляпину, видели то в зале музея пришлепывающей к статуе Аполлона недожеванную жева-

тельную резинку, то в аллее знаменитого сада, куда водили гулять Онегина, героя знаменитой поэмы, а она, супердевочка Уля Ляпина, карябала там якобы на скамейках жирным маркером «Рэп – отстой!». То она пугала старушек страшной маской какого-нибудь Дартвейдера, то навешивала табличку «Продано» на шею памятнику писателю Достоевскому, то творила что-то еще, столь же пакостное и такое же возмутительное.

Но причем здесь, спросите вы, зима? Причем здесь, спросите вы, читатель, отсутствие мороза и снега и присутствие под ногами слякоти? А при том, что пару раз супердевочка выходила на след преступницы, прикрывающей свои подлые выходки ее, Ульяниным, честным именем. И всякий раз, когда это происходило, выяснялось, что следа нет.

Виновата была погода – то есть был бы снег, был бы след. А нет снега, значит, нету и следа. Такая вот простая зависимость.

– Ну подставили тебя, ну бывает. Что переживать из-за ерунды, – сказал Уле лопухий Моржов, накладывая в школьной столовой кружок синей докторской колбасы на надкушенный квадратик печенья.

– Нет уж, Пашечка, кому ерунда, а кому принципиальное дело! – Супердевочка отхлебнула чаю и заела его соленым крекером. – Мне снегурочку на елке играть, а у меня в голове не елка, а сплошное расстройство нервов. Послезавтра генеральная репетиция, артисты из театра приедут, и если я

провалою роль, то снегурочкой вместо меня сделают какую-то Хлюпину.

– Какую еще такую Хлюпину?

– Лялю Хлюпину, из какого-то там лица для особо одаренных детей. Я ее ни разу не видела.

– Я тащусь, – сказал ей Моржов. Он был тайно влюблен в Ульяну, но умело прикрывал свое чувство маской грубости и глупыми фразочками. – Уля Ляпина против Ляли Хлюпиной! Суперлига против детского сада для особо одаренных младенцев! Может, и она тоже супер, эта Хлюпина, которая Ляля?

– Я не знаю, – вздохнула Уля. – Меня сегодня к завучу вызывали. Она сказала, что теперь уже сомневается в моем природном театральном таланте. Она сказала, что хотя и не верит, что я способна на хулиганские выходки, но если подозрения подтвердятся, она сделает определенные выводы. Она так на меня смотрела, будто точно знала, что виновата я. И про Лялю Хлюпину это она сказала.

Пашка долго жевал печенье, потом долго смотрел на Улю.

– Ой не нравится мне наша заведующая, – странным голосом произнес он. – Я однажды, когда был на продленном, заглянул в биологический кабинет, а она там стоит у шкафа и целуется с пластмассовым черепом.

– Врешь!

– Не вру. Целовалась, честно.

– Ладно, Пашка, я пошла в класс. Хочешь крекер? Что-

ТО СОВСЕМ НЕ ЕСТЯ.

Глава 2. Санта-Клаус

Супердевочка шла из школы и все думала о своем, супердевичьем. Мысли ее были размытые, под стать серым, бесснежным тучам, шевелящимся в небе над головой. То она себе представляла, как выходит в праздник к деду-морозу, а его уже приветствует эта Хлюпина, одаренная выскочка из лица, и все хлопают этой Хлюпиной, и на нее, супердевочку Улю Ляпину, никто не обращает внимания. То она, наоборот, представляла, как идет рука за руку в хороводе с Сашей Бережным и Димой Приятным, актерами из театра на Моховой, а эта неудачница Хлюпина грызет ногти, вся зеленая от досады.

Вообще-то супердевочки не ревнивы и не в их неписанных правилах завидовать победам других или радоваться чужим неудачам. Но злополучная череда событий, как на зло перед долгожданным праздником омрачившая Ульянино настроение, никому не пойдет на пользу.

Добираться домой из школы напрямую было около часа. В отличие от дороги в школу, которая занимала обыкновенно чуть больше пяти минут. Казалось бы, одно расстояние, а такая большая разница! Но не нужно быть Альбертом Эйнштейном, чтобы разобраться в причинах этого забавного парадокса. Дело было вовсе не в физике, дело было в свойствах души.

Ну, подумайте, какой человек, возвращаясь после школы домой, не сделает обязательной остановки возле новенькой глубокой траншеи, которой утром не было и в помине и в которой пускает слезы прохудившаяся отопительная труба. Или не расскажет вороне, что микробы это мелкие червячки, вроде тех, что попадают в яблоке, только еще мельче и злее, и воду нужно пить не из лужи, а обязательно экологически чистую, чтобы не заболел живот. Или не задержится у киоска, где торгуют собачьей пищей и на витрине в пластиковых пакетиках лежат вяленые бараньи уши – по два уха в каждой пакетике, и всего-то за 50 рублей.

Вот и супердевушка Уля Ляпина, несмотря на непогожее настроение, не спешила возвращаться домой. С узким рюкзачком за плечами она шла между жилыми громадинами и смотрела одновременно вверх, влево, вправо, вперед и под ноги, а еще уголками глаз ухитрялась смотреть назад.

Пешеходная дорожка вдоль дома, отделенная широким газоном от проспекта с проносющимися машинами, пешеходной была только в теории. На практике, дорожку, как и газон, давно уже оккупировали машины. Некоторые вросли колесами в разбитую скорлупу асфальта и, как калек в переходах метро, пытались выжать из прохожих слезу, тарачась в лица виноватыми фарами. Другие, те, что поновее и понахальнее, упорно перли по асфальту дорожки, шумно фыркая вонючими газами и обдавая прохожих грязью.

Район, в котором жила Ульяна, почему-то считался спаль-

ным, хотя люди, что его населяли, не только спали, но и ели, гуляли, толпами ходили по магазинам, разводили на балконах цветы, развлекались, выгуливали собак, словом жили самой обычной жизнью, какой живут и в центре и на окраинах. Да, здесь не было театров, музеев, зоосада, филармонии и Невы, зато было много неба и много воздуха, за проспектом, через дом от их дома, начинался сосновый парк, неподалеку было сразу три озера, а уж если ты соскучился по музеям, так, пожалуйста, садись на метро, полчаса, и ты общаешься с классиками – Рафаэлем, Шишкиным, Шинкаревым...

Супердевушка обогнула дом и нос к носу столкнулась с Сизиковым, местным лидером фанатов «Поп-корма», супергруппы, играющей «йеллоу металл». Хотя нос его смотрел на Ульяну, но глаза были повернуты в сторону, и супердевушку он даже не замечал. Уля Ляпина взглянула туда, куда так пристально смотрел Сашка Сизиков, и не увидела ничего особенного. Просто древний какой-то автомобиль, приютившийся между ржавыми гаражами и бетонной стеной помойки.

Супердевушка Уля Ляпина не особенно увлекалась техникой, хотя могла, если было нужно, свободно починить пылесос, телевизор или папин компьютер. В отличие от того же папы, который дожил до седой головы, ну а сам до сих пор не знает, чем отличаются гайка от контргайки или плоскогубцы от пассатижей. Машины волновали Ульяну исключительно как средства передвижения, а то, что старые они или новые,

это ее мало интересовало.

– Салют, «Поп-корм»! – поприветствовала Ульяна Сизикова.

Сашка Сизиков чуть сдвинул наушник, защищавший его бледное ухо от посторонних немзыкальных звуков, затем выставил торчком большой палец и кивнул на чудо о четырех колесах:

– Дедушка отечественного автомобилестроения! На нем, наверно, еще Пушкин катался. И декабристы. – Сизиков усмехнулся. – А нашу тачку летом бык забодал, на шоссе, когда мы из Туапсе ехали. Там, на юге, эти быки с коровами прямо на дорогах пасутся. Прикинь, «субару», тридцать тысяч зеленых, двигатель шестнадцать цилиндров, а он – рогами в лобовое стекло!

Сашка Сизиков подошел поближе к автомобилю незнакомой породы. Супердевочка подошла тоже.

Машина была ростом с ребенка, такая же, как ребенок, низенькая, но с большими пучеглазыми фарами и занавесками за синими стеклами. Занавески были в мелкий горошек.

– Я не понял. – Зоркий взгляд Сизикова попытался прочитать номер. – То ли цифры перевернуты кверху ногами, то ли это буквы такие.

Но Ульяна его не слушала. Она смотрела на маленькую снежинку, прилепившуюся к крыше автомобиля и дрожащую на тихом ветру. Супердевочка взглянула на небо, там болталась все та же хмурь без малейшего намека на снегопад.

– Снега нет, а на машине снежинка, – удивилась Ульяна вслух.

Сашку Сизикова снежинка не интересовала. В машинах его интересовали скорость, объем двигателя, количество лошадиных сил и прочие реальные вещи, а не какие-то там призрачные снежинки, бесполезные в практическом отношении.

– Ну я тормоз! – сказал вдруг Сизиков, хлопая себя по макушке. – Меня ж Лысый с Рыжим у Бледного на квартире ждут! Я ж им диск несусь, «Балдей вместе с нами», слышала?

Супердевушка такого диска не слышала и вообще к «Попкорму» относилась, мягко говоря, равнодушно. Любых фанатов – музыки ли, «Зенита», Гарри Поттера, компьютерных игр-стрелялок – Уля Ляпина терпеть не могла за их занудство и клиническую упёртость. В этом смысле супердевушка повторяла своих родителей. Они тоже не любили фанатов, особенно фанатов политики.

Сашка резко сорвался с места и исчез в проеме между домами. Супердевушка осталась наедине с белой гостьей, неизвестно откуда взявшейся. Уля тронула снежинку мизинцем, та была холодная и живая. Затем, вытянув губы трубочкой, супердевушка сдула ее в ладонь, подержала так секунду-другую и пустила снежинку в небо. Пусть летит к своим пропадающим подругам и возвращается сюда вместе с ними.

Кто-то хмыкнул у Ульяны под ухом.

Супердевушка повернула голову и увидела перед собой

старичка удивительно инопланетного вида. Во-первых, ростом удивительный старичок был примерно в две трети Ули. Во-вторых, в-третьих, в-четвертых и, пожалуй, отчасти в-пятых, старичок безостановочно улыбался – беззаботно и весело, как мальчишка, – что, согласитесь, у лиц пожилого возраста встречается на Земле не часто. В-шестых, у старичка были уши необычного, прозрачного цвета, как просвечивающие дольки грейпфрута. И сквозь эти необычные уши просматривались ветви рябины, черные кусты на газоне и даже мелкий клюв воробья, заглядевшегося на какую-то воробыиху. В-седьмых, улыбчивый старичок тихонько напевал себе в бороду:

– Бэк ин Ю-эсэсэр...

Песенка была такая же непонятная, как и весь его непонятный облик.

– Здравствуйте, – сказала Ульяна. – Вы, наверно, с другой планеты?

– Что ты, что ты! – покраснев, как морковка, старичок замахал руками. – Это я немного волнуюсь, а у меня, когда я волнуюсь, всегда уши делаются прозрачные. И холодные – на, потрогай.

Супердевушка потрогала его уши, они были действительно как ледышки.

– Вот, сейчас, – старичок напрягся и задышал, фыркая по-

тюленьи. – Несколько дыхательных упражнений, и уши снова станут ушного цвета. А то некоторые дети пугаются, когда видят меня с такими ушами.

– Лично я нисколько не испугалась, – успокоила супердевушка старика. – Очень даже оригинально, честно.

Тут глаза ее полезли на лоб, потому что уши у старичка засветились вдруг, как яркие лампочки, и от них повалил дымок.

– Перебор, – сказал старичок, и улыбка его сделалась чуть сконфуженной. – Такое со мной часто случается: увлекусь каким-нибудь делом и никак не могу остановиться.

«Вот так дедушка, – подумала Уля. – Уж не родственник ли он Терминатора?»

Старичок тряхнул бородой, белоснежной и пушистой, как вата, и Ульяна удивилась опять. С бороды слетела снежинка, легкой искрой промелькнула перед Ульяной и пропала за плечом старичка. В точности такая же, как и та, что была на крыше автомобиля.

– Если вы не с другой планеты, значит, вы работаете артистом. Ой, – Ульяна теперь страшно разволновалась, – вы тогда и с Сашей Бережным должны быть знакомы. Саша Бережный и Дима Приятный, мои знакомые актеры из Театральной. Вообще-то они студенты, но очень знаменитые и талантливые. Вы обязательно должны о них знать.

– Саша Бережный? – Старичок задумался, не прекращая по-мальчишески улыбаться. – Нет, не знаю, не припомню,

увы, не слышал. Ни про Сашу, ни про Диму – увы, увы! А ты, девочка, что, тоже актриса?

Уля Ляпина опустила голову.

– Я хотела, только наша заведующая сомневается в моих актерских способностях. И на праздник на роль снегурочки хочет взять какую-то Лялю Хлюпину. Я готовилась, я старалась, я всю осень вживалась в роль...

Старичок заулыбался сочувственно:

– Я, конечно, никакой не актер, я всего лишь случайный зритель, но готов на что угодно поспорить – талант у тебя действительно есть. Я не знаю, какими способностями обладает твоя соперница, но, по-моему, роль снегурочки точно предназначена для тебя.

– Вы так думаете?

– Я это знаю. Я ведь... ни за что не поверишь... Я... сейчас ты прямо лопнешь от смеха... Я... Короче, я – Санта-Клаус.

Старичок, не убирая улыбки, громко шаркнул об асфальт каблуком. Стоявший рядом автомобиль-подросток выдул быструю мажорную трель и левой фарой подмигнул супердевочке.

– А это мой помощник сантамабиль, – представил ей старичок машину. – Я его зову Санчо Пансой или просто, по-приятельски, – Санчо.

– Уля Ляпина, – представилась супердевочка.

– Уж не та ли ты самая Уля Ляпина, знаменитая суперледи

из Петербурга?

– Что вы, суперледи – это не я, – замотала головой Уля Ляпина. – Я... я просто супердевушка, вот и все.

– Просто супердевочек не бывает. – Санта-Клаус погрозил ей шутливо. – Как и просто Санта-Клаусов, между прочим. – Улыбка его стала заинтересованной. – Очень хорошо, что я тебя встретил. Есть проблема. – Он оглянулся, взглядом проследив за прохожим, пересекшим тупичок за их спинами. – Здесь, на улице слишкомлюдно, а это дело не для чужих ушей. Если ты, конечно, не против, прошу пожаловать в мой сантамобель. Санчо, – он обернулся к автомобилю, – будь любезен, впусти нас внутрь!

Глава 3. Обезьяньи часы-клепсидры

Удивительное дело, автомобиль, казавшийся снаружи ребенком, внутри имел вполне взрослые габариты. Просторное пространство салона напоминало скорее комнату, узкую и вытянутую в длину, но уютную и по-домашнему обжитую. Попади сюда Ульяна не с улицы, она бы, точно, ни за что не поверила, что под ногами у нее не фундамент, а упрятанные в шины колеса. Только водительское сиденье, да ребристая баранка руля, возвышающегося над панелью с приборами, указывали на связь помещения с современной колесной техникой.

– Не стесняйся. – Хозяин автомобиля обвел рукою свои владения. – Проходи и чувствуй себя как дома.

Он кивнул ей на низкий столик, на котором стояли чашки и громко булькал электрический чайник, словно негодуя на то, что гостя ждет особого приглашения. Возле столика расположились два скромных креслица, обитые серебристым плюшем. В одно уселся улыбающийся хозяин, в другое села изумленная супердевушка.

Чайник щелкнул и успокоился. Санта-Клаус достал заварку, пересыпал ее в маленький чайничек и добавил в него доверху кипятку.

– Вот варенье из райских яблок, вот черничное, а это из мушмулы. – Как волшебник, непонятно откуда он вытаскивал пузатые банки и рядом их ставил перед Ульяной.

Скоро в теплом воздухе над столом закружился хоровод запахов – терпкий, чайный задавал тон.

Отхлебнув из широкой чашки, Санта-Клаус погладил бороду.

– Что ж, погрели пузо чайком, теперь можно поговорить о деле. Это я про себя, ты пей. И варенье, не стесняйся, накладывай. – На мгновение лицо Санта-Клауса сделалось задумчивым и серьезным, но улыбка погасила серьезность, хотя в голосе, как легкое облачко, появилась беспокойная нота. – Ты когда-нибудь слышала про обезьяньи часы-клепсидры?

– Те, которые обезьяны носят? – удивилась в ответ Ульяна. – Нет, не слышала, а разве такие есть?

Санта-Клаус весело рассмеялся. Вместе с ним задрожал от смеха и его помощник сантамабиль. Впрочем тут же он сдержал свой порыв, потому что чашки на столике отозвались опасным звоном, грозя пролить свое горячее содержимое на колени Санта-Клауса и Ульяны.

– Что ты, что ты, обезьяны часов не носят. – Санта-Клаус кончиком бороды вытер выступившие от смеха слезы. – Разве только на представлениях в цирке. Обезьяньи часы-клепсидры это такие удивительные часы, которыми управляли временем еще древнеегипетские волшебники. Ты, конечно, умная супердевочка и в классе ходишь наверняка в отлични-

цах, но в жизни существуют предметы, которые не проходят в школе. Не потому что они чересчур заумные. Просто знание подобных вещей дает возможность человеку управлять временем, погодой, предметами, другими людьми. А люди бывают разные. Захочет, например, человек, чтобы в мире не было больше зимы и снега, задвинет он заслоночку на часах-клепсидрах, и все – ни тебе новогодних праздников, ни веселых лыжных прогулок по январскому лесу, ни снегурочки, ничего такого... – Санта-Клаус чуть отдернул занавеску в горошек и кивнул на законную слякоть. – Как сейчас.

Улыбка его померкла. Уши сделались прозрачнее, чем вода. Было видно, Санта-Клаус волнуется, и рассказ его не просто рассказ, а имеет очень тесную связь с днем сегодняшним и с самим рассказчиком.

Уля Ляпина буквально застыла с полной ложечкой варенья в руке, тоже глядя на бесснежный пейзаж за стеклом «малютки»-сантамобиля.

– То есть вы хотите сказать, что кто-то с помощью обезьяньих часов хочет отменить Новый год?

– Да, моя дорогая девочка... Ой, – он тут же поправился, – супердевочка. Этот кто-то – он из дедов-морозов. Только самый главный преступник – я.

Санта-Клаус опустил голову. Улыбка вылезла на полсекунды из бороды и, виновато побродив по лицу, снова спряталась в дремучей чащобе.

– Уф! – сказала супердевочка, громко выдохнув.

Кажется, она запуталась окончательно. Сначала эти обезьяньи часы, теперь, оказывается, Санта-Клаус преступник. Ничего себе, предновогоднее приключение!

– Я, – устало повторил Санта-Клаус. – Зазевался, потерял бдительность, понадеялся на человеческую порядочность – и вот нате вам, каков результат! Да, мой друг, меня безжалостно обманули. Утащили самое драгоценное – обезьяньи часы-клепсидры. Ну какой я после этого Санта-Клаус! На планете более шести миллиардов жителей, только одних детей около миллиарда, и каждый в новогоднюю ночь ждет от меня подарок. Невозможно, не управляя скоростью движения времени, охватить такую прорву народа. А прибор, которым ей управляют, у меня как на зло – тью-тью! Представляешь, лезут дети утром под елку искать подарок, а под елкой ничего нет! Конец света – вот что это такое. Разочарование и все-ленская скука. Черт те что, короче, и сбоку бантик из черной тряпочки!

Уля Ляпина, услышав эту страшную новость, чуть не подавилась вареньем из райских яблок и не захлебнулась остывшим чаем. Она представила безпраздничный мир, в котором, кроме занудства скучных взрослых деловых дядь и вечно недовольных стриженных под подростков тетей, не существует ничего неожиданного. Ни тайн, ни блесков на карнавальном платье, ни хоровода с Сашей Бережным и Димой Приятным на праздничной новогодней елке...

Санта-Клаус словно прочитал ее мысли.

– Выше голову, – бодро воскликнул он, тут же подавая пример, как это нужно делать. – Думаешь, наша встреча с тобой – случайность? Нет, дорогая моя супердевушка Уля Ляпина, Санта-Клаус не станет без причины останавливать на улице человека, чтобы плакаться перед ним в жилетку. И мой приезд сюда, в Петербург, не какой-нибудь туристский вояж. Я точно знаю, что похититель здесь. Верный Санчо взял след, и след привел меня в этот город. Ситуация, действительно, суперсложная. Ну а там, где ситуация суперсложная, без супердевушки мне просто не обойтись.

– Я готова, – ответила Уля Ляпина.

– Аллилуйя! – выкрикнул Санта-Клаус, скатился репкой с низкорослого креслица и на руках прошелся по салону сантамобиля. – Вот теперь я стопроцентно уверен, что часы-клепсидры будут возвращены. Запомни три основных условия нашей безусловной победы. Первое – не отчаиваться, – Санта-Клаус подбежал к столику и одним махом допил свой чай. – Второе – это верить в победу и, третье, не забывать улыбаться. – Семицветная радужная улыбка вспыхнула на его лице. – У нас в запасе о-го-го сколько времени. Почти неделя. – Санта-Клаус прищурился. – За неделю, если действовать с умом и смекалкой, мы отыщем похитителей непременно.

– Похитителей?

– Возможно, и похитителей.

Супердевушка посмотрела на Санта-Клауса, не решаясь

задать вопрос.

«А как вообще такое могло случиться, что обезьяньи часы похитили? – хотела спросить Ульяна. – Где они хранились, эти часы? В любом музее есть охрана, сигнализация, везде посетители по залам сидят, так почему такая важная штука, которой можно управлять чем угодно, вдруг попала в нехорошие руки?»

– Да-да-да, тебе это нужно знать. – Санта-Клаус, похоже, снова прочитал ее мысли. – Дело в том, что...

Глава 4. Операция «С новым годом»

– Дело в том, что я у себя в Лапландии веду школу де-дов-морозов. В городе Рованиеми, в помещении городской гимназии. Ко мне туда деда-морозы даже с острова Тасмания приезжают и даже из тропической Африки. Но, конечно, основная масса учеников едет из Америки, из Европы, и от вас, русских, тоже бывает много...

– Вопрос можно? – Уля Ляпина подняла руку. Санта-Клаус кивнул. – Для чего деду-морозу учиться? Разве дедами-морозами не рождаются? И вообще, я всегда считала, что настоящий дед-мороз – он один. То есть вы и есть настоящий, – супердевочка смущенно потупилась, – просто называетесь по-другому. Санта-Клаус – это ведь по-английски, а по-русски все равно дед-мороз.

– Санта-Клаус, – ответил ей Санта-Клаус, – существует в единственном экземпляре – и по-русски, и по-английски, и по любому. И этот экземпляр – я. Ну а дедов-морозов – много. Дед-мороз – настоящий, я имею в виду, а не тот, которого играют актеры, – действительно рождается дедом-морозом. Сразу дедушкой – с бородой, в тулупе, расшитом звездами, с посохом, с мешком за плечами. Профессиональный опыт ему дается с молоком матери, а вот жизненного опыта

не хватает. Он же может по простоте душевной зайца произвести в тигры, а серому разбойнику волку поручить переписать лесных жителей. Представляешь, какой у серого получится результат? Потому-то мне и приходится учить борода-тых школьников правильно разбираться в жизни, пока случайно не наломали дров. Кстати, Клаус по-русски Коля, так что можешь называть меня дядей Колей. Или лучше дедушкой Колей, как-никак борода обязывает... Стоп! Что-то мы ушли в сторону, так я тебе и до самых праздников не успею изложить суть. Напомни, на чем я остановился?

– На том, что у вас в Лапландии вы ведете школу дедов-морозов.

– Да, конечно, дедов-морозов. Как-то на одном из занятий я рассказывал про часы-клепсидры, те самые. И кто-то из учеников – кто, не помню – возьми меня тогда и спроси, а не мог ли я показать им это мое сокровище, в смысле устроить классу экскурсию на гору Корватунтури, где я храню часы. В Лапландии на этой горе, вернее внутри горы, находится моя загородная квартира, небольшой такой, но уютный замок, в нем я, в основном, и живу. Там я держу подарки, там мои мастерские, оранжереи, сад, музей, библиотека, гараж – все, что нужно для работы и отдыха. Постороннему туда попасть невозможно, оба входа сторожат чакли, мои друзья, маленькие подземные жители, они видят человека насквозь, неподкупны и не умеют врать. Я подумал, подумал и согласился, сделал ученикам подарок – показал им свое хозяйство и, ко-

нечно, обезьяньи часы. Я ж не знал, что среди дедов-морозов вдруг окажется обманщик и вор. И когда через какое-то время я хватился этих своих часов, их уже на месте не оказалось. А ученики разъехались по домам, срок обучения кончился, и спросить поэтому было не с кого. Слава звездам, верный Санчо взял след.

– Все понятно, – сказала Уля.

Санта-Клаус развел руками.

– А не может такого быть, – Уля Ляпина насупила брови, – что этот мой неуловимый двойник тоже пользуется часами времени?

– Этот твой неуловимый двойник? – Санта-Клаус уставился на нее. – Тоже пользуется часами времени? Ну-ка, ну-ка, объясни, я не понял.

И Ульяна ему все рассказала. Про Дартвейдера, про недожеванную резинку, и про «Продано», и про «Рэп – отстой». И, главное, про то, что она еще ни разу не застала на месте виновницу этих гнусных подвигов.

– Может, она тоже, как вы рассказывали, заслоночку на часах задвинет и убежит от меня во времени на двадцать минут назад? И потому она такая неуловимая?

– Невозможно, – ответил Санта. – Во-первых, твой двойник девочка, а девчонки дедами-морозами не бывают. Во-вторых, этого просто не может быть, потому что не может быть. Это вроде как микроскопом, который стоит безумную кучу денег, заколачивать сапожные гвозди. Ну подумай, ка-

кой резон ради какой-то таблички «Продано», пусть даже ее повесили на шею вашего национального гения, городить огород с часами.

– Есть резон, – вмешался сантамобиль. Голос его шел ниоткуда, то есть просто возникал в виде звука, существующего непосредственно в голове. Супердевочка сперва даже вздрогнула от такого неожиданного вторжения, но привыкла почти что сразу, после нескольких услышанных слов. – Не дать ей сыграть снегурочку. Эта фальшивая супердевочка специально все так подстраивает, чтобы настоящей супердевочке не досталась роль. А где снегурочка...

– Там ищи и деда-мороза! Гениально, ты не машина, а Шерлок Холмс, Эркюль Пуаро и комиссар Мегре вместе взятые. – Санта-Клаус звонко проаплодировал. – Только как мы его найдем, этого пройдоху деда-мороза, ведь для этого нам нужно сначала поймать неуловимого двойника Ульяны.

– Ляля Хлюпина! – воскликнула Уля Ляпина. – Из лица для особо одаренных детей! Ей достанется роль снегурочки, если я не докажу, что это не я устраиваю всякие пакости.

– Вот и ниточка, – сказал Санта-Клаус, – которая, возможно, нас приведет к злодею, похитившему часы-клепсидры. Я же говорил тебе, Санчо, без супердевочки нам просто не обойтись! Ай да Уля, ай да щукина дочь! Это, – пояснил Санта-Клаус, заметив Улин недоуменный взгляд, – у нас в Лапландии так называют находчивых и умных детей. Щука – царица озера, самая мудрая пресноводная рыба на белом

свете, – добавил он. – Если дети отличаются умом и сообразительностью, у нас в народе их называют щукиными. Национальный лапландский комплимент. Итак, пункт первый операции «С новым годом»: выясняем, кто она, эта Хлюпина, и не связана ли она с похитителем. Твоя задача на данном этапе поисков – попытаться вытянуть из вашей школьной заведующей как можно больше информации об этой «одаренной» девице. Мы же с Санчо начнем с лица, где обучают этих особых деток.

Санта-Клаус поднялся из-за стола.

– Как приятно было попить чайку с такой умной и находчивой супердевочкой. – Он сиял, как елочная игрушка. Словно он уже ухватил за хвост похитителя волшебных часов и впереди никаких забот, а только праздничные веселье и суматоха. – Не будем же терять ни минуты. За работу, моя юная суперледи. И запомни то, что я тебе говорил: не отчаиваться, верить в победу и никогда не забывать улыбаться.

– Я запомню, – пообещала Уля. – Мой мобильный, запишите его, пожалуйста. Если нужно, звоните в любое время.

Она собралась продиктовать номер, но Санта-Клаус замолтал головой.

– Телефоны нам не понадобятся. Есть более надежные и быстрые средства связи. Ты про Нетунет знаешь?

Уля про Нетунет не знала.

– Что-то вроде Интернета, только на мозговом уровне, – проинформировал ее Санта-Клаус. – Главный плюс: источ-

ник питания – собственная твоя голова, а голова она всегда при тебе. Поэтому не нужно ни проводов, ни качественной работы сервера. В Нетунете нет слова «нет», в нем связываться можно когда угодно. Достаточно ввести мысленно необходимые логин и пароль, и практически ты уже в контакте.

– Ничего себе, – сказала Ульяна. – И это доступно любому двоечнику? Захочет, например, Сашка Сизиков получить у доски пятерку, свяжется с Серегой Калякиным, и тот ему мысленно из учебника протелепает ответ?

– Нет, конечно, не так, – успокоил супердевочку Санта-Клаус. – Нетунет доступен пока не каждому. И вообще его еще не придумали, а изобретут лишь через десять веков, когда проблемы с двоечниками не будет вовсе. В этом времени он только у нас – у меня и Санчо... Ой! – воскликнул тревожно Санта. – Санчо, если часы похищены, то ведь воры могут знать и про Нетунет!

– Это вряд ли, – ответил сантамобиль хозяину. – Во-первых, для этого нужно знать, что он вообще когда-нибудь будет изобретен, и специально настроить часы-клепсидры на тысячу лет вперед. А во-вторых, если даже они про него случайно узнали, то для чего тогда, спрашивается, пароль? Наш пароль-то они точно не знают.

– Ладно, будем надеяться на удачу. – Санта-Клаус приблизил свой красный нос к суперчуткому супердевочкиному уху: – Вот, запомни, как выходить на связь, – произнес он

чуть слышным шепотом и назвал ей кодовые сигналы. – Я и Санчо тебя услышим. Только не болтай лишнего. И еще, когда работаешь в Нетунете, постарайся не шевелить губами, потому что есть профессионалы, читающие информацию по губам.

Итак, задача была поставлена, и дело оставалось за малым – найти злодея, похитившего часы.

Глава 5. Тетя Соня

Снега, снега! – молили петербургские пустыри, желая спрятать под пушистым покровом следы хищнического городского строительства.

Бесснежные дворы были голы, и гладкие, упитанные вороны гоняли между мусорными контейнерами упаковки от кефира и йогуртов.

В лесопарках городской зоны из земли повылезали грибы. Пенсионеры, старики и старушки, прочесывали парки с корзинами, переаукиваясь, как в дремучем лесу.

Рыба в водоемах сошла с ума – перепутав времена года, она резала плавниками воду и, не чувствуя над собой льда, склевывала с поверхности водоема шарики древесной трухи.

Скульптуры в Летнем саду, как всегда упрятанные на зиму в теплые футляры из дерева, потели и просились наружу – охладиться под балтийскими сквозняками.

Ушлые туристические агентства не успевали снабжать желающих путевками за Полярный круг, где, по слухам, свирепствовали морозы.

В супермаркетах торговали снегом, доставленным, как сообщалось в рекламе, из высокогорных районов Грузии. Но это был неправильный снег, наверняка с добавлением химии, он не таял, не скатывался в снежки, из него не лепились бабы, и был он подозрительно не холодным.

Метеорологи слушали атмосферу, но в потрескивании воздушного электричества не было и намека на перемены.

Одним словом – беда.

Беда!

Снег, как Пушкин, – наше главное достояние, наше, как говорится, всё. Без зимы, без настоящей снежной зимы Россию просто невозможно себе представить. Как невозможно представить Марс без знаменитых марсианских каналов. Или без тельняшки митька. Или Хемингуэя без трубки.

Вот и папа Ульяны Ляпиной, застыв с секундомером в руке перед кастрюлькой с шевелящимися пельменями, левым глазом (правый следил за временем) наблюдал, как из рыхлой тучи, вяло проплывающей за окошком, валится непонятно что. Папа тоже переживал за родину, обойденную морозом и снегом. Ему было вдвойне обидно, потому что папа заранее, еще в середине лета, сочинил про зиму стихи. Он держал свое сочинение в тайне, раскрыть которую рассчитывал в Новый год, сразу после боя курантов и звона новогодних бокалов. Стихотворение это было про снег, и папа тревожно думал, как же он будет его рассказывать, когда снега нет и в помине.

Шепотом, чтобы никто не слышал, он прочел кусочек стихотворения:

За окошком белый снег,
сосны дышат снизу вверх.

Лес – народный санаторий.
Лыжник, тише, лес насквозь
обворожен, заморожен,
будь сметлив и осторожен,
лыжи вместе, палки врозь.

Я однажды на снегу
увидал живую белку,
я ей руку протянул,
вспомнил Пушкина и сверху
зимней белке подмигнул:
"Всё, мол, песенки поёшь
да орешки всё грызешь?" ...

У папы даже веки свело от счастья, пока он его читал, так ему собственное произведение нравилось. Особенно, где про лыжника и про белку. Тем временем стрелка секундомера приблизилась к счастливому финишу: пельмени были готовы. Папа выключил на плите конфорку и громко крикнул из кухни в комнату:

– Мама Маша, ура, победа! Сварил на две секунды раньше обычного! Это же мировой рекорд! Где бумажка с адресом издателей «Книги Гиннеса»?

Мама Маша равлекала Софью Прокофьевну, свалившуюся сегодня утром на головы родителей супердевочки папину двоюродную сестру. Они в двадцать первый раз перелисты-

вали альбом с фотографиями, на которых молодые родители улыбались, стоя в обнимку перед объективом тети Сониной «мыльницы».

На папино радостное известие мама отреагировала прохладно.

– Сам на стол соберешь или как всегда? – ответила она равнодушным тоном.

В это время щелкнул замок, и в прихожей появилась Ульяна. С тихим присвистом поведя носом, она сказала:

– Опять акриды?

В их семье пельмени называли акридами – с легкой руки отца. Выражение пришло из прошлого, из папиных студенческих лет, когда он, как монах-отшельник, жил впроголодь на одну стипендию.

– Дайте мне хоть глазом потрогать мою любимую двоюродную племянницу! – Тетя Соня, позабыв про альбом, уже спешила полным ходом к Ульяне.

Та, услышав звуки знакомой речи, даже выронила из рук кроссовку.

– Здравствуй, рыбочка, здравствуй, птичка! – Тетин голос наполнял всю квартиру, как веселое весеннее половодье. – Ну-ка, ну-ка, покажись своей тете. Изменилась, изменилась-то как! Повзрослела, сколько лет мы не виделись? Ах да, в августе ты была в Москве. А мне кажется, сто лет не видала.

Уля только и сказала, что «здрaсте» – в частоколе тети

Сониных слов невозможно было найти хоть щелочку.

– Уши в точности как у дяди Славы. – Тетя Соня хозяйским взглядом изучала малолетнюю родственницу. – Сашка, – крикнула она в кухню папе, – помнишь, Сашка, дядины Славины уши? Из-за них он всегда опаздывал и последним прибежал к финишу. Потому что они, как парус, очень сильно тормозили движение.

Супердевушка успела раздеться, вымыть руки и причесать волосы, пока тетя, не отходя от племянницы, продолжала свои сравнения.

– Зато нос, как у тети Риммы – гибрид картофеля и крымского баклажана. Ну-ка, рыбочка, спой нам гамму.

Уля хмуро посмотрела на папу, громыхающего о стол тарелками. Тот легонько пожал плечами. Мама вышла на секунду из комнаты и сказала супердевушке:

– Спой.

– До, – запела Ульяна яростно, сверля тетю самым острым сверлом из набора своих зрительных инструментов.

– Bravo, bravo. – Тетя проаплодировала. – Я когда-то мечтала пойти в певицы. Ах, все эти «Ла Скала», «Гранд-опера»... Миллион, миллион, миллион белых роз...

– Всем за стол! – объявил отец, украшая веточками укропа скромную обстановку кухни. И добавил, чуть-чуть конфузясь: – Я ведь тоже суперпапа своего рода. Девушка практически вся в меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.